

Плач о потопших

Дочь вопит:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лоточке,
С суседямы несчастны не простилися,
Милосердому Бладыке не молилися,
Воску ярого свещей не затопляли!
Знать, Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.
Тут от бережка победны откачнулись,
От круто́го мы, несчастны, отпехнулись,
В руки брали мы веселышка дубовыи,
Отправлялися за сине это морюшко!
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способныи
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
По судьбы, видно, нашей бессталанной
За тяжкое велико согрешенье
По Божьему Господню повеленью
С подхолодной с подсиверной сторонушки
Вдруг о́блака скорешенько сходилися,
Наставала туча темна неспособная,
Без дождя туча темная, без молвии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эти ветрышки завияли,
С торока́мы эти ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало;
На синем море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася;
Пошла россыпь на синем море великая!

Тут дубова эта мачта приломалась,
Мала лоточка у нас да сколыбалась,
И склянёшенька воды тут наливалася;
Добры людюшки во лоточке спутались,
Дубовыи веселки с рук повыпали!
С этой страсти великой, с перепóлоху
Мы с дý-другом, народ, ведь не простилися
И ясных своих очь да не крестили!
Мы не знали того сами, добры людюшки,
Как смахнуло среди эта Онегушка
Во этую воду во глубокую:
Утонул отец с дитем да со родимым,
Он со малым своим да недоросточком!
Единá, бедна дочí, я оставалася,
На синем море, девица, я шаталась!
Трои суточки победна колыбалась,
Со слезамы тут молитовку творила,
Со горючима Пречистой Богородице:
«Ты спаси меня, Царица свет Небесная!
Сохрани меня, Микола многомилосливой!»
Буйны ветры в чистом поле укротились бы,
На синем море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь Боже, дай-ко Господи
Тиху тíшинку на синем на Онегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке!
Мала лоточка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девица, не пугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лоточку,
В острова хоть прибило не в бывалыи,
В берега бы стащило незнакомыи!
С этой страсти у меня, с перепóлоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девочья потерялася
У меня стояци во малой утлой лоточке!
Об эту о дубовую оклочинку,
Перетёрло у мя тонки белы пéрески,
Приотерпли тут девоцьи белы рученьки,
Приозябли у мя резвы эти ноженьки,

Задрожалось ретливое сердечушко!
От тошна́ горя горюша стала плакать,
Стала думать я, несчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
«Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой, ты красное прости да ноньку солнышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
Отдали́ прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовыи суседушки!
Тайны милыи простите поровёчники!
Друг-советные простите мои по́дружки!
Ты прости, да на белом свете живленьице!
Прости Господи во тяжком согрешенье!
Знать, судьба меня, девицу, повзыскала,
Гля меня, видно, погода подымалась,
На синем море волна да скалывалась,
Единá я в малой лоточке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Исусову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писáному:
«Ты повыручи, Бладыко многомилосливой,
Ты повыздынь-ко победну со синя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде Господи Бладыко свет помилуешь,
Я ходить стану во церковь посвященную,
Я к заутреням ходить да ко воскресным,
Я к обиденькам ходить да ко Христовьским,
По вечеренькам ходить буду по Троицким
По измоге я свечи да ставить ярые!
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому,
Я во летныи ему во работнички,
Я во зимныи ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бессчётной,
 Попрошу да я попов-отцев духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен Богородице,
Я другой да тут Бладыке многомилосливу,
Отложу да я гульби́ща со весельицем,

Отменю да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эти песенки!»
Как на синем море победнушка шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много странства я, победна, притерпела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синём море,
День и ночь да в малой лоточке шатаюца.
Знать молитовки ко Господу доходные —
Сожалела Пресвята мать Богородица!
Стала тишинька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на широкон на уличке;
Мала лоточка ведь вдруг да становилася,
К кругу бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так бедной горюше мне все кажется,
Быв на синем я на славном этой морюшке!
Тут Исусову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздивилася:
Знать, по моему девочьему моленьицу,
По Владыкину, знать, нонь благословленьицу
Вдруг прибило тут ко крутому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, приодумалася,
За како ж да это место незнакомое?
Уж я во веки ведь здесь не бываюца!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракиновый под кустышек,
Я схватилася за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого,
Во синем море оны, може, шатаются!
Пораздумаюсь победным своим разумом:
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по крутому по бережку,
Я глядеть стану на все на три-четыре на сторонюшки;
Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,

Я по облачкам глядеть стану ходячим,
В день по красному смотреть буду по солнышку,
С какой стороны ведь ветры развеваются,
Куды темные леса да нагибаются,
В какую сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу,
Далеко ль моя родимая сторонка?
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эти резвы свои ноженьки,
Разману да я несчастны свои рученьки.
Роспеки да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое несчастно ретливо сердце,
Ты девицы победы мои плечушки!
Обумись, моя несчастна буйна голова!
Оглядитесь на свет, ясны мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых, да светушка-брата родимого,
Я сердечного повозничка любимого:
Не прибило ли ко круту красну бережку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этими катучима я камышам,
На камышке ль они да не терзаются?
У бережка они да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны кости не волочат ли?
Во тяжких грехах — без покаяния —
Оны приняли смеретушку напрасную;
Телеса у их пойдут без погребения,
Не приданы ко матушке-сырой земле!
Призавие буйным ветрышком,
Призагрие красным солнышком,
Западёт тело снежечиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Неумершей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы Господь скорую смеретушку
На своей белой, брусовой им на лавочке,
Во своем доме-крестьянской бы во жирушке!
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В Божью церковь посвященну мы сносили бы,

Честно-именно ведь их похоронили бы!
Мы бы знали, где могилушка умёршая,
На Владычной Божий праздничек сходили бы!
Спомянули тут мы их да попахали бы!

.....
Я пойду еще, печальная головушка,
Я по славному по кру́тому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна дэвица,
Малых лоточек на синем на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым гóлоском:
«Не убойтесь-ко, народ, не устрашитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спáсенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому,
Вдруг захлопали весёлышка дубовыи,
Показалась малогребна эта лоточка;
Вдруг наехали ловцы да добры мóлодцы.
Хоть по бережку оны да становилися,
Оны в лоточке стоят, да устрашилися,
На меня, бедну горюшу, оглядилися!
Сговорят да тут ловцы да добры мóлодцы:
«Уже што это за чудо обчудíлося,
Человек стоит на крутом этом бéрежку,
Што ведь горькима слезама уливается,
Што великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы,
Со этой малогребной оны лоточки,
На этот на кру́той красной бéрежек.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклонилася победна во резвы́ ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком победнушка свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
«Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тось,
Вы свезите-тко в какое е селенье!»
Оны пóдняли победну от сырой земли,
Стали спрашивать, победнушку, выведывать:

«Ты откуль взялась теперь, да с кем ты ездила?
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слёзно плакала!
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
«Ты давно ль взялась на крутой здесь на бёрежок?»
«Уже слушайте, народ да люди добрыи!
Вы повирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю то, победная, не ведаю,
От толку сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отправились за сине за Онегушко —
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых, да я со братцем со родимым,
Как в-третьих, да я с суседом спорядовым!
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
Как по этому злодийну бесталаньицу,
Вдруг поднялася погода непомерная.
Призавияли тут буйны столько ветрышки —
Потопило всех победных головушек:
Милого спорядного суседушка,
Желанного родителя-батюшка,
Сердешного света-братца родимого!
Я не знаю то, несчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась!
Трои суточки шаталась во Онегушке!
Знать, не сужено победной мне головушке
Потонуть да мне на синем на Онегушке!
Малу лоточку теперь да пришатало,
К кругу бережку ведь ю да прибивало;
Сохранил меня Господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то светушки бы, ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько ужастии!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрыи,
Переимите-тко, ловцы да добры мблодцы,
Вы во эту малогребну меня лоточку:
Холоднёшенька, победна, голоднёшенька!»

.....

Меня взяли тут ловцы да добры молодцы
Во эту малогребную во лоточку,
Отвезли меня за синее Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивилися народ да люди добрыи,
Устрашилися суседи спорядовыи:
«Это што теперь за чудо причудилося,
Со синя моря ведь диво объявилося:
Как со мертвых она да воставала,
На родимую сторонку доставалася!»
Все собралися суседи спорядовыи,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писарёчки хитромудрыи,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
«Где тонули ведь вы е да во синем море?
Да ты как красна девица оставалася,
На синем море ты в лодке сохранялася?»
Допросушки от бедной отбирали,
На гербовой лист-бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялася, победнушка, полóхалась:
Как приеде становой да всё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня сошлют со родимой, може, родинки,
Буду странствовать, победна, слезно плакать.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по пóзорам,
По допросам-то пошла да по великиим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством не шататися,
Говорить надо победной, не мешатися!
Отвечать буду победна таково слово:
«Я не знаю ведь, горюшица, не ведаю,
Уже што да ведь над нама сочинилось;
Буйны ветрышки ведь е да поразвиялись,
Уже вкруте тут волна да расходилася,
Пал ведь тóрок теперь да неудольной,

Сильной север то завиял тут свирепой,
Мала лоточка у нас да сколыбалася,
Дубовá мачта на ней да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывалися!
Утонул да тут родитель-милой батюшко,
Света-братца тут смахнуло буйным ветрышком
Среди да синя славного Онегушка,
Тут же бросило спорядного суседушка;
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синем море спасалась?
Трои сутчки я бѣз вести качалась!
Тут прибило ко кру́тому ко бѣрежку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку-сыру землю,
Я на́ этот на кру́той красной бѣрежок!
Тут приехали ловцы да добры мóлодцы,
Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовыи суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили всё печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты спаси меня, власть да милосердая!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света-братца я в синѣм море,
Не спустила я суседа в глубоку́ воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судинушка голов да повзыскала!
По Владыкину Господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять потопная,
Потонуть да знать им сужено в синѣм море!
Я не знаю же, победнушка, не ведаю,
Може, при́било где к кру́тому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да натаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не изъянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!

У мня нет да золотой казны бессчётной,
Нету скатных перебранных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью неправосудную!»
Не острастил-то начальник, не сполóхал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по бладой по головушке,
Умильнёшенько меня да он выпрашивал:
«Ты по своему скажи да по девичеству,
По души скажи теперь, да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи ўжасты,
Што случилось у вас да сочинилось?»
Удивился он судьбы моей несчастной,
Сговорил он мне, победной, таково слово:
«Верно, Господу молилась от желаньца,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполóхалась,
Ты шатаюца на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то ноченькам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ўжасно вода да колыбается,
Шибко лоточка теперь да расшатается.
Ты держалась за дубовую оклочинку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да становой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрым:
«Да вы съиздите за сине за Онегушко,
Поищите телеса да там бездушныи.
Буде найдете потопных — схороните-тко,
Телеса да ко сырой земле придайте-тко».

.....

К суседям:

Вы послушайте, спорядные суседушки:
Как сегодним учётным долгим годышком
На наше на хоромное строеньце
Прилетала лесовá птича незнамая!
Как садилась на хоромное строеньце,

Она ўкала-то, птича, по-звериному,
Как свистала эта птича по-змеиному!
Уж мы тут, бедны горюши, устрашились,
Темной ночью от крепка сна прохватились:
«Это што у нас за зверь да сидит-ўкает
И стращат да нас, победных, полóхает?»
Все я думала победным своим разумом,
Знать, беда приде победным нам напрасная:
Пожар там на хоромное строеньице,
Либо мор да на любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не надиялась
Я над милым родителем над батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Што потоп буде на синем на Онегушке!
Нонь у нас, да у печальных головушек,
Така да е обидушка несносная!
Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы ворогу, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседам спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталася,
Со белым светом, победна, напрощалася!
Я не думала, несчастна красна девушка,
Што быть да мне, победной, на святой Руси,
Што ходить бедной горюше по сырой земле!
Нонь судил да Боже Господи
Мне-ка быть да на родимой на сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолились,
Видно, девушку меня да пожалили...
Вы послушайте, народ да люди добрыи,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!
С этой страсти у меня да с перепóлоху,
Буйна гóлова у беднушки не гладится,
Прядка с прядкой в русой кóсы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебраныи,

Изоржавели колечка золочёныи!
Быв с того свету горюша объявилась,
Со синя моря горюша выставала!
Не дай Господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти-такой ужаси!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, породила,
Во несчастной день победнушку засияла,
Ты не участью-таланом наделяла!
Приносила хоть в хоромное строеньице,
Не в большой угол меня да полагала!
На кирпичную, знать, печеньку ложила
И сосновую лучину подстилала,
Тут великиим несчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнёшенько,
Великого родительска желаньица —
Светушка-братца родимого,
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мя звериная,
Потяги да у мя были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На синем море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лоток не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужниих бы жен да не слезило бы,
Сирот-малых детей не оставляло бы!
Теперь все прошло у нас да миновалося,
Со тоской, горькой кручиной я позналася!
Талан-участь на синём море оставила,
Мое счастье в синем море утонуло все!
Нонь решилося великое весельице,
Миновалося любимо доброумьице;

Надо слыть да бедной дочери безотней,
Как печальной сестры да мне — безбратней!
Нонь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платице!
Как не жемчужном головка изнасяна —
Великой кручинушкой надéлена!
Ясны очушки не сахаром насыпаны —
Горючима слезамы принаполнены!
Не несут меня, печальной, ножки резвые
Уж как на́ этот на кру́той красной бéрежек,
Не глядят мои несчастны очи ясныи
На синее на славное Онегушко!
Не радию я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людюшкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю,
Во этих малогребных во лоточках!..

.....

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.